

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XIV

Подобно пылающей флотилии, вереница факелов плыла над холмистыми черными полями.

Лазарь, находясь в самом центре хребта, изо всех сил пытался вырваться из-под гнета сковывающих его цепей. Поднимаясь к вершине, Лазарь остановился. Он запрокинул уши, его широко раскрытые зрачки сузились до крошечных отверстий.

Перед ним местность плавно спускалась, открывая взору огромный замок на вершине следующего плато. Перед его хорошо укрепленными воротами клубились факелы. Толпа растянулась, окружив даже крепостные стены, и, возможно, в несколько сотен ярдов в глубину, ближняя часть толпы поредела, рассеявшись между несколькими рядами простых домов с соломенными крышами. Рука солдата подтолкнула Лазаря вперед, вниз, пологий холм.

«Сомкнитесь! Приготовьте оружие! Держите позиции!» — прогремел главный командир эскорта. Солдаты отбросили факелы и в панике окружили Лазаря, а рыхлый строй сжался в жесткий квадрат. Щиты были подняты к краю, окружая куб, а пики торчали наружу, заметно наводя прицел на толпу. «Ничего страшного! Если строй нарушен, бей на поражение!»

Этот, казалось бы, внушительный оборонительный блок, действуя как единое целое, выдвинулся вперед.

Толпа ревела, как буря, но по мере приближения пиршества гром стих, оставив в тишине ночи лишь стрекотание сверчков и потрескивание факелов . Наконец, в этой мертвой тишине, океан факелов разделился — Мертвое море, которое, расплываясь , осветило четко обозначенную тропу прямо к воротам замка. Возможно, Лазарь утонул в сотнях широко раскрытых взглядов; он опустил взгляд и двинулся по новоположенному проходу, тяжелые железные доспехи звенели при каждом его шаге, в то время как группа готовых к бою арбалетчиков прокладывала путь для процессии .

Толпа перешептывалась, из-за спин людей доносились разные звуки. Зрители бросали оскорбления. Затем камень взмыл над головой и попал Лазарю в макушку. Он рухнул на землю , оглушенный, кровь стекала по всей шее. Арбалетчик сбил с ног метателя камней стрелой, и молодой крестьянин упал без сил. Этот поступок вызвал бурный протест. Двое солдат поспешно подняли Лазаря. Он, шатаясь, прошел между ними, голова у него кружилась. Командир кричал всем предупреждения, но рев толпы заглушал его голос. Внезапно дорога к замку обвалилась, полностью поглощенная разъяренными кулаками и развевающимися факелами.

Собравшись вокруг Лазаря, несомненно, как царя демонов и князя зла, толпы людей устремились к нему. Возможно, женщины рассказывали о своих многочисленных земных страданиях; они плевали в него. Летали молнии. Возможно, мужчины вспоминали свои тяжелые жизненные пути; они бросались на него. Мечи рубили. А под толпой шевелящихся ног возбужденные дети искали камни. Пикины вонзились в кровопролитие.

Люди лорда д'Альсикура отбросили жаждущую дьявола толпу. Даже когда мужчины, женщины и дети падали ранеными или погибали, на них хлынули новые. Более того, внутри строя солдаты ополчились друг на друга — блок рухнул, и толпа поглотила их целиком. Разъяренные руки схватили Лазаря и подняли его высоко, передавая из рук в руки. Проклятия и крики. Он был словно обвитая цепями мумия, дрейфующая на бушующих волнах поднятых конечностей. Случайные крики сливались в ритмичный рев, эхом разносившийся по всей земле: «Сожгите дьявола! Сожгите дьявола!» Лазарь метался, шипел и брыкался, поглощенный нарастающей болью. «Сожгите дьявола!» — кричала толпа.

В одно мгновение эхо боевого рога утихло, и все взгляды обратились к замку. На вершине крепостных стен лучники заняли позиции, направив свои стрелы в толпу. Ворота замка распахнулись, и колонна бронированных коней с грохотом выехала наружу, с мечами и Щиты сверкали в море факелов. Толпа взорвалась, словно крысы, разбегающиеся от рассвета. Лазарус упал. Он потерял сознание. В разразившемся хаосе мертвые и раненые были усеяны по всей территории. Судебная стража Д'Альсикура окружила Лазаруса и начала кружить.

Вперед, с флангов, со щитами наготове. Два рыцаря спешили и пересадили Лазаря на коня животом вниз. Как один, и так же поспешно, как они бросились в атаку, бронированный отряд с ревом хлынул обратно через крепостные стены, ворота замка с грохотом захлопнулись за ними.

Оказавшись внутри крепостных стен, они сбросили потерявшего сознание Эльо с коня в глубокую яму во дворе. У дальней стены стояла единственная железная дверь, которая открывалась под землю, под замком. По обе стороны от двери сидели два закованных в кандалы пленника, которые нервно поглядывали на своего нового гостя. Оба были неопрятны, с растрепанными бородами, однако один из них был значительно крупнее: светлые волосы, широкая спина и голубые глаза. Он был даже крупнее Лазаря и, возможно, рядом с ним стоял великан, а рядом — его более низкорослый сокамерник.

Когда ночь перешла в раннее утро, Лазарь очнулся, разбуженный продолжавшимся разговором двух пленников. Он лежал неподвижно и слушал, как более крупный мужчина презрительно фыркнул, его низкий голос был искажен иностранным акцентом. «Если это твой Сатана, то почему он позволяет себя связать и бросить в яму? Ответь мне на это!» Младший ответил: «Ну, возможно, это и не сам Сатана, но это действительно демон. Даже сейчас он лишь притворяется пленником. Он вырвется из этих оков и убьет нас всех!» «Это не ваш Сатана и не демон. Это Ночной Альф, я же вам говорил — на нём видны все признаки ...» один. И он не может освободиться — не в этих оковах.

Лазарь перевернулся, распахнул глаза и, с некоторым усилием, сел. Он отряхнул с лица слипшиеся от крови волосы, обнажив ужасную рану высоко над левой бровью. «Боже мой», — простонал он.

Младший из заключенных заикался, пытаясь вырваться из кандалов. «Видите! Вот оно!» «Дьявол!» — взмолился он к стражникам, расхаживавшим по территории у самого края ямы. «Вытащите нас! Он пробуждается!» «Тишина!» — рявкнул в ответ солдат. Он посмотрел на Лазаря, поднял взгляд к звёздному небу и неторопливо отвернулся. «Да», — сплюнул крупный заключенный, жалуюсь меньшему, — «Замолчи! Твои крики достойны маленького цветочка». Младший мужчина прищурился, фыркнул и прижался спиной к стене, застыв неподвижно, но с опущенными руками на поднятых коленях — возможно, пытаясь таким вызывающим, но беззаботным видом вернуть себе достоинство. Он издали сердито посмотрел на Лазаря.

Наконец, он наклонился и прошипел Лазарю: «Я не тот, кого ты ищешь, дьявол. Я христианин». Он указал на высокого мужчину: «Вот кто тебе нужен — северянин —

язычник.

Лазарь защищался: «Я не дьявол».

«Разве ты не слышишь?» — прорычал северянин христианину. — «Он не дьявол. Я же тебе сказал, кто он».

«Меня зовут Лазарь Гогу». Лазарь осмотрел свои цепи.

«Возможно, Гогу». Северянин откинулся назад и усмехнулся. «И всё же, Гогу, Ночной Альф, ты всё ещё им являешься».

Христианин спросил его: «Тогда, если ты не дьявол, почему ты выглядишь как дьявол?»

«Таким я и родился. Я мужчина — просто другой».

«Человек? Только?» Северянин усмехнулся и повернулся к христианину. «Ночной Альф называет себя человеком. А ты как думаешь — человек ты или нет?» Он рассмеялся.

Лазарь спросил у Северянина: «Что такое Ночной Альф?»

«Ты!» — рывкнул он в ответ. — «А если ты приблизишься ко мне, я сломаю тебе шею».

Лазарь поднял бровь и повернулся к другому. Христианин сказал: «Он северянин . Его народ верит, что ночные эльфы — это существа, которые бродят по лесам с наступлением ночи». «Значит, он не христианин?» — спросил Лазарь.

Северянин рассмеялся. «Наш Альф хочет знать, христианин ли я». Он покачал головой, явно испытывая отвращение.

Лазарь спросил его: «Ты не веришь, что Иисус Христос умер за наши грехи?»

Резко выскочив вперед, с хрустом затянутых цепей, северянин сидел, сверля Лазаря взглядом. «Нет!» — плюнул он на пол ямы. — «И никогда я не проглочу такую ложь!»

«Будь осторожен, чтобы не заслужить законное место в аду», — предупредил его христианин.

Северянин бросил на него взгляд, скривил губу и откинулся назад к стене. «На мой взгляд» Смерть, мое место будет за столом Одина — с едой, питьем, песнями и девственницами в чертогах.

о Вальхалле. А свои глупые сказки можете оставить себе, чтобы не пугать маленьких детей и не превращать их во взрослых трусов».

— Ты веришь в мифы, — ответил христианин, — я тебе уже много раз говорил; нет ни Одина, ни священных чертогов. Оглянись вокруг — никто не говорит о такой глупости, кроме тебя.

Как ты можешь в это поверить ?..

Северянин наклонился, схватил христианина за волосы на затылке и резко дернул его головой. Он прорычал ему в лицо: «Следи за языком! На земле моего отца и брата я видел, как многих из вас убивали за то, что вы не говорили ни слова. Я, может быть, и один из вас, христиан; и все же на моих землях вы стоите в окружении моего народа».

Запомните эту истину — все узнают вас как «богохульника Одина» и отрубят вам голову.

за это.

Лазарь спросил их: «Почему вы двое в этой яме?»

Северянин отпустил своего приятеля и откинулся назад. «Мы здесь, мой добрый Альф, потому что мой друг убил человека и украл его коня.

«Я всего лишь защищался», — резко ответил Кристиан, оттягивая волосы на затылке.

«Он первым прицелился в меня».

«И если бы ты не крал его коня, он бы не стал на тебя нападать. Потом ты привёл солдат прямо туда, где я спал. Чёртов дурак! Я же сказал, что устал ходить пешком — я не говорил тебе красть коня!»

«Нет, нет, нет, — выпалил Кристиан, — они собирались тебя отпустить. Ты здесь не из-за меня. Я сказал им, что тебя не знаю!» Он ткнул обвиняющим пальцем в Северянина. «Ты сам себя сюда заманил. Ты признался, что знаешь меня, а потом заговорил ».

«Эта глупость об Одине, ты связан истиной и тому подобное. Это твоя глупая вера осудила тебя, а не меня!»

«Да будет так», — ответил северянин, в знак протеста размахивая цепями. «И клянусь своей верой, я это сделаю».

«Умри гордо от руки врагов моих. А завтра, когда нас повесят, Валькирия возьмет меня и оставит тебя гнить».

Христианин упрекнул его: «Когда нас повесят, ты будешь гореть в аду за свою ложную веру».

«Повешен?» — спросил Лазарь, подняв брови.

«Нас повесят завтра — за наши преступления», — признался христианин.

«За твои преступления!» — рявкнул Северянин. «Я же совершил ошибку, отправившись в путешествие...»

«Вместе с таким кровожадным, вороватым, лживым змеем, как ты! И за то, что сохранил мою веру перед моими врагами! Только за это!»

«Однако я здесь, чтобы увидеть лорда д'Альсикура, — настаивал Лазарус. — Я здесь не для того, чтобы меня повесили».

«Нет, Альф. Тебя не повесят. Не волнуйся», — заверил его северянин с едва заметным сарказмом, украдкой взглянув на небо. «Утро скоро наступит. С первыми лучами солнца от тебя ничего не останется, чтобы повесить». Он надменно рассмеялся. Лазарус поднял глаза, обнаружить тонкие, едва заметные облака, очерченные слабым красным свечением.

«Молчи, язычник!» — крикнул сверху солдат. Лазарь шарил в своих цепях, пытаясь освободиться.

«Ты его расстроил. Что ты имел в виду?» — спросил христианин.

Все еще посмеиваясь, северянин ответил: «Я заключу с тобой пари, мой друг». Он подошел ближе к христианину и прошептал: «Я ставлю слово моего народа против... »

«Ваше слово — ваша вера против моей. Что вы скажете?»

«Веру нельзя поставить на кон».

«О, но я могу. Если я докажу вам, что мои люди правы, отречетесь ли вы от своей веры и присоединитесь к нам за столом Одина?»

«Ты не ценишь свою душу, произнося богохульства в час своей смерти».

«Я заключаю пари не для того, чтобы подвергнуть опасности свою душу, а чтобы спасти вашу».

«Что это за пари?»

«Словом моего народа — истиной Одина и Локи, клянусь вам, что это

«Он Ночной Альф, а не один из ваших демонов». Он кивнул Лазарусу.

«Я — не — Ночной — Альф», — фыркнул Лазарус, всё ещё пытаюсь освободиться от пут.

Однако, продолжил северянин, «скоро он постигнет участь всех ночных альф. Видите ли, они не могут находиться на поверхности земли при дневном свете, иначе сгорят под лучами солнца».

И когда вы увидите, как он сгорает, присягнете ли вы на верность вере моего народа? к Одину?

Христианин недоверчиво посмотрел на него, нахмутив брови. «Ты потерял равновесие». Он взглянул на Лазаря и почесал бороду. «Ты серьёзно?»

«Он сгорит в аду так же верно, как и нас повесят», — усмехнулся Северянин. «Мы заключили пари или нет?»

Младший усмехнулся. «Нет, нет, нет — вот пари. Вместо этого я спасу твою душу. Если он сгорит на солнце, как ты утверждаешь, я отдам свою душу твоему Одину — чего никогда не случится».

Он рассмеялся и ткнул пальцем в своего большого друга. «А если нет, я хочу, чтобы ты принял Господа Христа как своего Спасителя и отрекся от своего бога Одина и веры своего народа. И когда мы умрем на небесах, ты будешь благодарить меня вечно».

Северянин нахмурился, а затем разразился смехом. «Вот это настрой!» — он похлопал товарища по плечу. «Значит, пари! Договорились!»

«Готово», — усмехнулся христианин. «И я буду держать тебя за это». Они оба прислонились к стене и наблюдали, как Лазарь отчаянно пытался освободить руки. Элью поднялся на ноги, скользя вверх по стене. Он повернулся и посоветовал христианину: «Ты не должен рисковать своей душой ради меня». Взглянув на небо, он снова повернулся к своим цепям.

Христианин поднялся на ноги. «Это всего лишь пари, в котором можно проиграть. Защищая Всемогущего Господа, я не могу проиграть. А поскольку я спасаю еще одну душу от таких, как ты, Бог выигрывает в этот раз». Христианин усмехнулся.

«Хватит обмана, мой добрый Альф», — насмешливо сказал Северянин Лазарю и подмигнул. — «Когда взойдет солнце, оно будет принадлежать Одину. А ты станешь лишь пеплом и прахом».

Грохот доспехов перерос в рев, когда солдаты окружили овраг, держа арбалеты наготове.

«Все вниз!» — крикнул солдат. «Вниз, сейчас же!» Лазарь и христианин спрыгнули на пол ямы.

Северянин нахмурился, прижавшись спиной к стене. Солдат прорычал: «Все пленные в безопасности!»

Дзинь! Скрип! Железная дверь шахты распахнулась, и из нее хлынул поток вооруженных охранников. Большинство из них прижали христианских и языческих пленников к стене, а другие набросились на Лазаря.

«Вставай! Поторопись!» Они быстро провели Лазаря через железную дверь. Он, спотыкаясь, пробирался сквозь вихрь доспехов и мечей и спускался по подземному проходу, усеянному факелами, пикинёрами и лучниками. Дверь в яму захлопнулась за ним, и по коридору раздался голос: «Дверь в яму закрыта!» Стражники провели Лазаря через подземный лабиринт из изгибов и поворотов.

Один из его сопровождающих крикнул: «Стой!» Солдаты резко развернули его к двери и крепче сжали цепи. «Входите». Лазарь подчинился. Дверь щёлкнула за его спиной, и эхо бормотания и шороха металла затихло с уходящими солдатами.

Воздух был густым, холодным, как в склепе, с едва уловимым привкусом старого воска и влажного камня. Он оглядел тусклую прямоугольную комнату. В центре комнаты стоял длинный, грубо вытесанный стол, а по бокам от него — две такие же длинные скамьи. Также на противоположных концах стола горели две свечи в блюдах: ближняя восковая свеча источала высокое пламя, отбрасывая вокруг своего основания танцующий круг света. Дальняя свеча не дала света, но от её фитиля исходило слабое красное свечение. А под клубящейся спиралью дыма, на полу, зажатый в дальнем углу, лежал грубый соломенный матрас. В противоположном углу он мельком увидел что-то похожее на плоскую крысу, лежащую в одиночестве и почти полностью разложившуюся. Лазарус сполз по стене, царапая цепи о камни. Он рухнул на матрас, отдавая детали своего нынешнего заточения безграничному царству снов.

~*~

Однако, на мгновение, его мечты развеялись, дверь распахнулась — как и его глаза. Внезапно он перевернулся и сел, щурясь от потока яркого света, хлынувшего сквозь дверной проем. Вошел двое слуг с семярусными канделябрами и поставил их на стол. Когда они ушли с догоревшими свечами, внутрь вошла колонна солдат, выстроившихся вдоль дальней стены. Вошли несколько хорошо одетых мужчин, за ними последовал довольно крупный и худощавый лысеющий епископ средних лет, облаченный в полное облачение. Он обменялся взглядами с Лазарем, его бегающие глаза, возможно, свидетельствовали о настороженности или даже нежелании. Позади него стражники закрыли дверь, заняв свои посты, чтобы обезопасить ее.

Книжник остановился перед столом и уставился на Лазаря, после чего повернулся к епископу.

«Это поистине дьявол. Посмотрите на него — зубы, уши, и крылья летучей мыши!»

«Я не дьявол», — возразил Лазарь.

Епископ поправил писца: «Не обвиняйте его без веских оснований — он не причинил нам никакого вреда. Мы скоро это выясним».

Книжник, епископ и другие размеренно передвигались по комнате, пока Лазарь осматривал нервные лица солдат. Металл звенел в сменяющихся рядах; в воздухе витал сладкий запах свежего пота, отработанного сала и сгоревших фитилей. Книжник фыркнул и сел за стол с чернильницей, пером и свитком пергамента. Лазарь поднялся на ноги. Встревоженные стражники схватили оружие, когда Лазарь прислонился к стене. Книжник развернул бумагу, вытащил перо. Ну что ж, он перекинул его через плечо и приложил к бумаге. Он бросил на Лазаря острый взгляд и глубоко вздохнул.

«У тебя есть имя?» — спросил его писец.

«Лазарь. Лазарь Гогу». Перо что-то нацарапало.

«То, что ты сейчас исповедуешь, Лазарь Гогу, будет записано как истина. Клянешься ли ты теперь исповедовать перед Богом и Его Святейшеством только истину?»

«Я говорю правду».

«Хорошо, тогда. Кому вы служите; какому Господу и Царю?»

Он ответил книжнику: «Я служу моему Господу Богу и Царю». Сомневающиеся взгляды бросились по сторонам.

«Возможно, я бы спросил по-другому, — сказал писец, — кому вы присягаете на верность — какой знати и какой стране?»

«Я человек Божий. Я клянусь Ему, Его Святейшеству и Церкви в верности».

Епископ улыбнулся и шагнул вперед: «Хорошо. А вы верите в единого Всемогущего Бога, Который есть Отец, Сын и Святой Дух?»

"Я делаю."

Писарь перестал писать, поднял взгляд и поднял бровь. «Значит, ты считаешь себя человеком — и Богом?»

"Я делаю."

«У людей нет крыльев», — ответил он с сарказмом. «Тем не менее, скажите, вы действительно умеете летать?»

"Да."

Записывающий снова спросил его: «И как далеко ты можешь улететь за раз?»

Лазарь ответил: «Половина вечера, прежде чем мне нужно будет отдохнуть». Однако перо застыло, а писец откинулся назад с сомневающимся взглядом и поджатыми губами. Несколько стражников с широко раскрытыми глазами что-то пробормотали.

«Молчите все», — поправил их епископ. Он повернулся к Лазарю. «Лазарь, веруешь ли ты в Христа, рожденного от Девы Марии, пострадавшего, воскресшего и вознесшегося на небо?»
"Я делаю."

«Хорошо». Священник расхаживал по комнате, кивая. «Это хорошо». Писарь спросил: «Расскажите мне о ваших родителях. Кто они и где они сейчас?»

Лазарь нервно заерзал, бросив тревожный взгляд на епископа. Епископ, оборачиваясь, поманил писца рукой: «Не будем затягивать; зададим другой, более важный вопрос».

«Очень хорошо». Писарь закатил глаза и задал следующий вопрос: «Вы когда-нибудь убивали или участвовали в битве?»

"Нет."

Он обмакнул перо, потряс его и внимательно посмотрел на Лазаря. «Никогда не убивал? А зубы у тебя как у собаки. Скажи, ты ешь мясо?»

«Да. Я имею в виду ...»

Книжник прервал его. «Ты говоришь, что никогда не убивал?» — допрашивал он Лазаря, притворяясь, что испытывает тревогу и замешательство. «Однако, чтобы есть мясо, нужно убивать, верно?» И, тонко намекая на обвинение, направил перо на Элью. «Неужели ты теперь лжешь перед этим советом?»

«Слушайте, слушайте». Епископ изящно махнул рукой и остановил писца: «Не нужно путаться. Пусть говорит».

Лазарь признался: «Я убил несколько диких животных, но заповеди Божьи на меня не распространяются».

«К животным! Я был голоден, а хлеба у меня не было!»

Писарь поднял бровь. «Нет... хлеба?»

«Никаких. Я не нашел ни зерен в лесу. Я не могу испечь хлеб без зерна».

«Значит, вы любите есть хлеб?» — пробормотал писец.

«Нет, я не люблю хлеб».

Книжник остановился и вздохнул. «Тогда зачем, во имя Его святое, вы хотели испечь хлеб, если вы не любите хлеб?»

Епископ откашлялся и подошел к нему, скрестив пальцы под большим животом.

«Верите ли вы, что хлеб и вино во время мессы, совершаемой христианами священниками, по божественной силе превращаются в тело и кровь Христа?»

"Я делаю."

«Отличный ответ». Хитро ухмыляющийся епископ потер руки и повернулся к... писцу, сидевший неподвижно. «Вы записали его ответ, верно?»

Писарь ответил: «Однако, если вам угодно, я хотел бы спросить его ...»

«Мне бы это не понравилось», — отчитал его епископ, тяжело облокотившись на стол. — «Сейчас же...»

«Запишите его ответ». Он щелкнул пальцами и указал на пергамент.

«Как пожелаешь». Книжник надулся, но, обмакнув перо, послушался. Епископ повернулся к Лазарю с довольным лицом.

Писец, заикаясь, явно обеспокоенный, задал следующий вопрос: «И сколько еще таких, как вы ... э-э... летающих людей?»

«О да, — любезно вмешался епископ, — наверняка есть и другие летающие люди».

«Сколько их ещё и где они сейчас могут быть?» — Он поджал губы в нетерпеливом ожидании.

«Я не знаю. Я один».

« Ты один?»

«Я не видел никого другого».

«Понятно». Священник нахмурился, погладил свой большой подбородок и, разочарованно опустив глаза, откинул взгляд на пол.

С пергамента писец зачитал вслух еще один вопрос: «Знаете ли вы, как пользоваться...?»

клинок, лук или любое другое оружие?

«Однажды я сделал нож из кости — для разделки шкур и мяса», — рассказал Лазарус.

Епископ подошел к Лазарю и внимательно осмотрел его. Он заметил молитвенный крест Лазаря и отодвинул свисающие звенья цепи, чтобы лучше рассмотреть его. «Откуда ты это взял?» Он наклонился ближе, продолжая осмотр, тяжело дыша про себя, как это часто делают самовлюбленные толстяки.

«Это был подарок от меня — от монаха — его молитвенный крест».

Тучный священник покрутил его в своих бледных и изящных пальчиках, похожих на сосиски, рассматривая его потертые уголки. «Да. Только монах мог так износить молитвенный крест. Верю тебе, Лазарь». Епископ подмигнул ему и повернулся к стражникам: «Я уже достаточно увидел . Уберите их».

Писарь встал и ткнул пером в чернильницу. «Возможно, нам не стоит действовать поспешно».

Как вы можете быть уверены, что он не украл это у заключенного, находясь в яме?

«О, я совершенно уверен, что нет», — ответил епископ. Он потянул за несколько цепей , которые плотно прикрепляли ожерелье к груди Лазаря . «Если крест лежит под этими цепями, это может означать только то, что он носил его еще до того, как его связали.

Дьяволы никогда не носят кресты». Затем священник обратился ко всей комнате, указывая на Лазаря: «Это не порождение дьявола; это летающий человек; это летающий христианин».

человек — и имя ему Лазарь. И как епископ этой провинции, я сохраню за собой власть в

«По этому вопросу мы не будем рассматривать никаких заявлений, касающихся его, и не будем принимать во внимание ничего противоречащего этому».

Обойдя стол, писец шепнул епископу: «Не возражаю, не хотел бы я поговорить с вами? »

Он кивнул в сторону дальнего пустого угла комнаты. Лазарус насторожил уши, увидев, что, казалось, в уединении,

Книжник шепнул епископу о своих опасениях: «Любой дьявол знал бы, как ответить на любой из этих вопросов. И это не похоже ни на что, созданное по благодати или в свете Божьем.

Возможно, было бы разумно подумать о том, чтобы оставить эти...»

Священник прервал его. «Возможно, вам стоит обдумать следующее: если вы нарушите этот деликатный момент, лорд д'Альсикур заставит вас надеть эти кандалы». Он резко развернулся и рывкнул на солдат: «Вы меня не слышите? Немедленно снимите эти грязные кандалы!»

Трое стражников выскочили вперед и раздели Лазаря.

Книжник фыркнул, собирая свои вещи, когда Лазарь обратился к нему: «Я — летающий человек».

Книжник замер и метнул взгляд на епископа, обнаружив на себе ответный взгляд. Он снова обратил внимание на Лазаря, натянул на лицо напряженную улыбку и ответил: «Да, ты — это». Он украдкой взглянул на теперь довольного священника, прежде чем, с трудом выйдя из комнаты, свернул пергамент и вытащил чернильницу.

Лазарь слегка поклонился священнику. «Я в долгу перед вами. Спасибо».

«Да, вы правы. И, возможно, мы обсудим этот небольшой вопрос позже, наедине с собой».

«В казармы», — прошептал он, поглаживая руку Лазаруса. Его ухмылка сменилась суровым выражением лица и высоким подбородком. «Однако вы еще не свободны. Лорд Д'Альсикур скоро вас примет». Епископ резко обернулся и обратился к солдатам: «На этом всё».

Комната опустела, дверь закрылась, и Лазарь сел на скамью. Совершенно грязный, с волосами, слипшимися от крови, он залечивал порезы и синяки под парой ярко горящих канделябров.

Прошло немало времени, прежде чем дверь открылась, и в комнату вошли служанка средних лет и три её молодые служанки. Полная женщина была почти такого же роста, как Лазарь, и её внушительные размеры, пожалуй, могли почти полностью затмить скромное присутствие женщины.

Она несла под грудью большой, переполненный поднос, на котором были мыло, мази и различные средства гигиены. Она остановилась и осмотрела Лазаря, сидевшего на скамье в дальнем конце стола.

Лазарь встал и поклонился.

«Так вы тот самый почтенный летчик?» — спросила она. «Лазарь, не так ли?»

«Я Лазарус Гогу», — представился он.

«Я видела и более здоровых крыс — от тебя отвратительно», — фыркнула она, прежде чем подойти к краю стола. — «И я чувствую твой запах отсюда». Выгружая содержимое подноса, она обнаружила, что служанки не сдвинулись с места, а стояли и смотрели на него через всю комнату. Одна из них держала ведро с горячей водой, другая — сверток сложенных полотен, а третья — чистую одежду и сапоги.

«Ну идите сюда, — отчитала она их, — господин Лазарь не кусается. Он христианин». Они вскочили, выложили содержимое на стол и пристально посмотрели на него. Он улыбнулся, кивнул, и они улыбнулись в ответ.

Она вернулась к столу и принялась смешивать мази. «Господин Лазарь, мой господин не хотел причинить вам вреда и разгневан вашим жестоким обращением. С тех пор он арестовал многих». Могу вас заверить, что мы, жители деревни, не принимали в этом никакого участия. Те, кто собрался у ворот, приехали из других частей провинции — они осмелели, потому что знают, что армия лорда слишком мала, чтобы установить власть над его землями».

«Однако лорд Д'Альсикур по-прежнему желает поговорить со мной, не так ли?» — спросил Лазарус.

«В самом деле. А теперь, если вы будете так любезны, спуститесь сюда».

«И он знает, где я?» — спросил Лазарус, обходя стол.

«Да, это так. Это для вашей защиты, что вы заключены под стражу, господин Лазарь. Он настаивает на этом.

«С ним будут обращаться как с почетным гостем». Она схватила его за руку и отвела прямо за собой. «Встань здесь». Она взяла ведро с мылом со стола и поставила его к его ногам.

«Могу я сейчас с ним поговорить?»

Она оглядела его и усмехнулась. «Ты грязный — и уж точно не в состоянии добиваться аудиенции у моего лорда. Тебе следует рискнуть и принять ванну. А теперь давайте приступим. Сними свою шкуру». Женщина повернулась к подносу, а служанки окружили его, легко шагая, словно ангелы. Каждая достала из ведра мыльную тряпку и отжала ее.

Глаза Лазаря широко раскрылись. Он отступил от них. «Раздеться? Немедленно?»

«Вы ведь хотите увидеть моего лорда, не так ли?» — спросила она его, обернувшись через плечо.

«Да, но я бы предпочёл ...»

«Ой, замолчи. Я вырастила пятерых сыновей и сказала каждому из них: „У вас нет ничего такого, чего я бы с тех пор не видела“. Теперь раздевайся, чтобы я могла привести тебя в порядок для моего лорда. У меня есть приказ: либо ты снимешь эти грязные шкуры, либо я сделаю это за тебя». Она снова закрыла открытые флаконы с мазью и поставила их на поднос. «Он ожидает, что ты будешь тщательно вымыта. А тебе эти шкуры не нужны, так как мой лорд предоставил чистую одежду и сапоги. Ты будешь выглядеть ...»

Позади неё служанка ахнула. Другая фыркнула и захихикала, и женщина отчитала их. «Я не потерплю такого поведения!» — резко повернулась она к ним, продолжая читать нотации. — «Пока...»

Однако она заметила Лазаря, стоявшего в крайне смущенном положении.

«О боже!» — выдохнула она, приложив руку к щеке, когда все взгляды были загипнотизированы необыкновенными чертами лица Лазаря.

Она откашлялась и рывкнула на своих служанок: «Ну что? Пора приступать!» Они бросились к нему и, шлёпнув его мыльными тряпками, начали оттирать. Женщина вымыла ему волосы, после чего принесла баночку с мазью и протёрла тряпкой порез на его лбу. Она обрабатывала его. Пока служанки мыли его, она также обрабатывала небольшие порезы на его голове.

«Этого будет достаточно». Она положила мазь на стол и повернулась с чистой тряпкой. «Более глубокий порез оставит шрам, но ты выживешь».

Женщина придержала его голову и вымыла шею. «Вам совершенно не нужно бриться, господин Лазарь. Разве у вас волосы растут только на голове?»

"Нет."

«И разве у всех летающих людей уши и зубы такие же длинные, как у тебя?»

«Я не знаю. Я не видел другого... Ой!» Лазарус напрягся.

«О, успокойся; я не причиняю тебе боли».

«Это они», — признал он, ворча себе под нос и глядя в потолок.

Она посмотрела вниз на верхушки трёх голов, возможно, собравшихся в шутку. «Лилита! Девочки, вы ещё не закончили?»

Все трое вскочили на ноги, широко улыбаясь. «О, да, мама».

«Тогда уберите ведро и вымойте ему заднюю часть». Женщина отпустила его голову и вымыла ему плечи. «Поднимите руки. И если вы будете так любезны расправить крылья, господин Лазарь, тогда мы сможем помыть и их изнутри». Он подчинился; они ахнули; но купание продолжалось.

Наконец, женщина вытерла и припудрила его. Она подняла белую рубашку с оборками, спинка которой была разрезана посередине. «Я оставила место для твоих крыльев, однако надеть её может быть непросто».

«Немного сложновато». И все же оно натянулось на его крылья, идеально лягнув на место. «Прекрасно. Я немного уменьшила его в размерах. Я взяла размер своего старшего сына, чтобы подогнать под тебя. Он тоже был крупным мужчиной». Она застегнула переднюю часть.

«Это его рубашка?» — спросил Лазарь.

«О нет», — усмехнулась она. — «Он никогда не носил такой изысканной одежды». Она поправила ему воротник. — «И все же теперь он мертв».

«Что с ним случилось?»

Она поджала губы. «Его убил этот монстр, лорд Хьюгон — сам дьявол».

Она взяла у одной из девушек черные брюки и отдала их ему. «Его войско»
«Они совершили набег на поля деревни, убив моего мужа, пятерых сыновей и двух дочерей. Они храбро сражались, но мы не можем противостоять армии Гугона».

«Почему он их убил?»

«Потому что он чудовище. Но хватит об этом — сделано, сделано, как и прошло». Она дала ему пару черных сапог. «А теперь надень их». Она повернулась к столу, и они с служанками собрали свои вещи.

Повернувшись спиной к Лазарю, она сказала: «Мы омыли тебя с мылом и водой, смыли с тебя кровь и намазали тебя мазями. Это всё, что мы могли сделать».

Наполнив поднос, она велела одной из служанок: «И принесите эти шкуры».

«Да, мама».

Она сделала глубокий вдох, как полная женщина, и позвала его: «Нет, господин Лазарь, ты не летающий человек».

«Да», — настаивал Лазарус.

Она повернулась и взглядела ему в глаза. Затем она уперла руки в бока и восхищенно улыбнулась. «Нет. Теперь ты подобен летающему принцу. И мой господин должен быть тобой очарован, как и я». Лазарус поклонился и улыбнулся.

«Ну что ж, девочки, давайте всё соберём. Наше дело сделано». Женщина поднесла поднос к двери и постучала.

Лазарь крикнул ей вслед: «Я в долгу перед тобой. Спасибо тебе».

«Нет, вы не одиноки, господин Лазарь. Прошло два сезона с тех пор, как я в последний раз была матерью для своих сыновей. И только овдовевшая мать может оценить такие моменты». Она слабо улыбнулась и посмотрела в пол, возможно, украдкой оглядывая прошедшие времена. Однако дверь открылась, и стражник впустил их. «Прощайте, господин Лазарь», — крикнула она в ответ, а три её обременённые служанки шли следом.

«Да, мама», — ответил Лазарус, всё ещё улыбаясь и махая рукой, как маленький мальчик, даже когда дверь со щелчком закрылась.

Наконец, Лазарь обошел стол, опустив голову и сложив руки за спиной, и начал расхаживать взад-вперед. Изображение задумчивого крылатого вельможи. Время от времени он настороженно оглядывал стены, подергивая ушами, возможно, в подсознательной попытке уловить тот характерный звук, предвещающий появление ада — иногда сопровождаемый жужжанием множества саранчи.

За время своего очень короткого пребывания он быстро разлюбил стены, вместо этого тоскуя по альтернативной безопасности открытого пространства — вечного неба. И, хотя он находился под защитой как лорд.

Лазарь, почётный гость, оставался пленником ещё более высокого правителя. Он растворился в свете свечей, погрузившись в глубокие размышления, и прекрасно понимал, что не может рисковать покинуть комнату, поскольку к этому времени над землёй воцарился дневной свет, а палящее солнце служило ему главным привратником.

Однако, пока он был в безопасности от адской колесницы небес, его терзали более насущные заботы. Прежде всего, как он объяснит лорду д'Альсикуру или любому богобоязненному христианину, что он — существо, созданное для ночи, и при этом сохранит свой образ христианина, созданного в свете Божьем? Кроме того, он мог лишь молиться, чтобы какое бы задание ни поставил перед ним лорд д'Альсикур, оно не было греховным и не требовало дневного света. Если это такое простое задание, то, выполнив его, он... Возможно, он снова отправится в Канчелло, чтобы забрать брата Сальвитино и выполнить свое обещание помочь закрыть Gatestone.

Однако голод мучил его, словно пустую могилу, опустошенную дыру в желудке. Он повернулся к двери, обнюхивая воздух. Сначала слабый, запах усилился, и он подтвердил, что это аромат жареной свинины. По коридору разнеслись голоса. Дверь распахнулась.

В зал вошла вереница слуг, каждый из которых нес дымящееся блюдо. Лазарь прижался к стене, когда они направились к столу, заполняя его серебряными блюдами, создавая пир, достойный царя. Жареная свинина и павлинье мясо с перцем, филе рыбы, нежная телятина и говядина на гриле, а также запеченные цыпленок и стейки из оленины боролись за место на переполненной поверхности. Вареные яйца и твердый сыр украшали блюда. Фрукты заполняли подносы рядом с мисками, полными орехов. Кувшин вина стоял переполненный. В целом, стол превратился в разросшийся коллаж и кулинарный шедевр.

Один за другим слуги кланялись и улыбались Лазарю, прежде чем покинуть комнату. Наконец, Худой пожилой слуга накрыл единственное место за столом. Он поднял бокал и наполнил его вином.

«Будет пир?» — спросил Лазарь.

«Вовсе, господин Лазарь. Вам что-нибудь еще нужно?» Он выглядел весьма веселым. Он провел рукой по всему столу. «Всё ли вас устраивает?»

«О нет». Лазарь покачал головой, нахмурил брови и внимательно осмотрел пир. Пораженный его экстравагантностью. «Это слишком много. Я умру. Неужели мне придется все это съесть?» — Нет, — усмехнулся слуга, — Ешьте только то, что хотите, господин Лазарь. Если вам это по душе, вас ждёт ваше место. Он указал на тарелку и кубок, которые, казалось, были затоплены.

по окружающим блюдам.

Лазарь подошёл к назначенному месту и посетовал: «Однако, так много. Хватит на многих. Может, вы дадите поесть и другим, чтобы еда не испортилась?»

«О, оно не испортится, господин Лазарус», — усмехнулся слуга. Он оглядел стол. «Завтра мы все будем пировать в вашу честь. Господин в хорошем настроении и празднует. А когда вы насытитесь, остаток обещан всем слугам замка».

«Что он празднует?»

«Он прославляет тебя, господин Лазарь».

«Я? Почему?»

«Что ж, мне не позволено обсуждать такие вопросы, даже если я могу предположить его причины. Мастер Лазарус, вам нужно что-нибудь еще?»

«Я... нет. Спасибо, сэр», — пробормотал он. Улыбающийся слуга отпустил его, оставив Лазаря молиться над своей тарелкой.

И в мгновение ока, поцеловав свой молитвенный крест, Лазарь обрушился на стол, наполняя свою тарелку порциями всех мясных блюд. Он наслаждался каждой порцией — никогда за всю свою жизнь в аббатстве он не представлял себя участником столь изысканного пира. Во время трапезы его мысли были где-то в другом месте, вспоминая дни, проведенные в катакомбах в детстве, — вспоминая те многочисленные случаи, когда... Отец стоял на страже у двери, пока он ел хрустящий хлеб из мисок, который подавался к тем немногим кусочкам мяса или сыра, которые ему удавалось тайком вынести из трапезной кухни, — читал втайне многочисленные книги из скриптория, описывающие королей, лордов, замки и причудливые пиры, — тайком выбирался из постели и пробирался в винный погреб, чтобы поймать хитрого толстого монаха в хорошем настроении. Для Лазаря все это казалось событиями прошлых вечеров. И в каком-то горько-сладком смысле ему казалось, что жизнерадостный дух Одино все еще витает вокруг него.

Только тогда он обнаружил источник этого напитка, стоявший рядом с его тарелкой в виде полного бокала вина. Он манил его знакомыми, но старыми словами: «Больше не пей воды, а употребляй немного вина, из-за своего желудка и частых недугов». Воспоминание о заливистом смехе Одино эхом отозвалось в его памяти. Он взял чашу, отпил и причмокнул губами. Затем на его лице появилась медленная улыбка. Он поднял кубок, осушил его и вздохнул. Потом он посмотрел на потолок и обратился к духу Одино: «На вкус лучше, чем пахнет». Он налил себе еще одну чашку и оторвал павлинью лапку.

Пока продолжался частный пир, Лазарь постукивал по кувшину, запивая вином почти каждый кусочек мяса и с каждой минутой становясь все веселее.

В конце концов, он тихонько усмехнулся и вступил в открытый диалог с самим собой и с едой.

Лазарь был пьян.

«Теперь я понимаю, почему вы так смеялись, пока были в подвале». С широкой улыбкой он поднял тост за потолок. «За вас, брат Одно, суший на небесах. Написано: И никто... » Выпив старого, тотчас же желает нового, ибо говорит: «Старое лучше». Он снова наполнил себя. Взяв свой кубок, он, подняв остатки павлиньей лапы, кувыркнулся назад, со скамейки на пол. Вино брызнуло на его рубашку, пропитав её фиолетовым цветом, а кубок откатился в угол комнаты. Всё ещё держа в руках большую куриную ножку, он перевернулся на бок и пьяно усмехнулся.

Лазарь поискал свою чашу и заметил её в углу, рядом с чем-то, что показалось ему разложившейся плоской крысой. Он обратился к крысе: «Ты плохо выглядишь, друг мой; тебя что, брат Клодий наступил?» Он ухмыльнулся и фыркнул, неуклюже опираясь на одну руку. «Мастер Крыса, вы знаете, что я летающий человек?» Лазарус лениво насторожил уши, словно ожидая ответа. «Значит, вы не обращаетесь к летающим людям?» Наступила тишина. «Ну, тогда откусите кусочек от этого», — он направил куриную ножку в сторону крысы, — «Я должен настоять, чтобы вы что-нибудь съели. Вы кажетесь немного... худым». Он рассмеялся, бормоча бессмыслицу.

С трудом придя в себя, Лазарус попытался встать, но снова упал. Он пробормотал: «Ну, господин Крыса, если вам так уж нужно знать, я человек... муха... э-э... летающий...» Он с трудом поднялся на ноги, застонав: «Я не могу... встать...». Наконец он уперся в стол и бесстрастно оглядел стены. «Неужели я... человек-муха? Человек-муха... Боже мой».

Наконец, он поднялся на ноги и, споткнувшись, спустился по длинной стороне стола, опираясь на него и покачиваясь в пьяном угаре. Он прищурился и огляделся с растерянным выражением лица, казалось, не понимая, где он находится. Затем его взгляд остановился на дальней стене, где, в его полном опьянении, камни, казалось, дышали — вздымались и выдыхались. Он поднял барабанную палочку и ударил ею по стене. «Может быть, ты оживишь и эту?» Он выпрямился и отчитал стену: «Я тебя не призывал». Он прекрасно понимал, что стена неподвижна — что единственное, что дышит и вздымается, это его пьяное «я», — но он не смог устоять перед искушением импровизированного оскорбления, как только оно пришло ему в голову. Он фыркнул и упал на пол, уставившись в никуда.

Внезапно Лазарус вздрогнул, услышав знакомый шум, который усилился — звук, похожий на тот, что мог бы...

Он напоминал приближающийся рой саранчи. Он забрался под стол, не отрывая глаз от основания дальней стены, которая оставалась неизменной, даже когда шум внезапно прекратился. В тени под столом он повернул голову к противоположной стене и заметил пару Босые ноги с черными когтеобразными ногтями на пальцах. Острые кончики длинных изогнутых ногтей ровно покоились на каменном полу.

«Боже мой!» — прошептал он себе под нос, дрожа от ужаса.

«Да, дорогой летающий человек, — раздался тихий голос множества женщин одновременно, — я твой дорогой Бог». Ноги обошли стол и уперлись под скамью, встав достаточно близко, чтобы он мог положить на них протянутую руку. «Итак, что мне с тобой делать, господин Лазарь? Кажется, ты не знаешь, как правильно быть мертвым». «Неужели это настолько сложное для понимания состояние, что только я один должен вас этому учить?» — Лазарь. Они молчали, но следовали за шагами, которые беспорядочно расхаживали по периметру стола, время от времени останавливаясь и снова двигаясь.

«Твой пир — это жертвенник, переполненный смертью. Посмотри, что ты с ними сделал — обезглавленных, безногих, выпотрошенных и расчлененных, сожженных, сваренных и растерзанных. Слышишь ли ты их крики, господин Лазарь?»

Внезапно почувствовав тошноту, Лазарь схватился за живот и обнаружил, что его непрерывно тошнит. «Ты их съел. Слышишь, как они страдают?» Измученный сильными судорогами, он лег. Он лежал на боку, прижимая к себе живот, который, как ему казалось, вот-вот разорвется. И тут он услышал это: тихие крики, доносившиеся из его желудка — словно смешанные визги множества умирающих мышей.

«Знаете ли вы, почему они кричат, господин Лазарь?»

Лазарус повернулся туда, где в последний раз стояли ноги, но их уже не было. Он откатился назад и увидел лицо Люцифаэля, склонившееся над ним, с черными, горящими глазами. Он лежал, окаменев от страха.

«Потому что ты отказался есть хлеб! Вместо этого ты съел их!» — прорычала она. — «Ты съел их души, Эльджо!» Она достала его старый разделочный нож из заточенной кости и осторожно провела лезвием по его щеке и губам. «А теперь ляг на этот стол!» Еда была разбросана, тарелки звенели по каменным плитам у ее ног, когда она широкими и размеренными движениями рук убирала со стола — некогда элегантный и знатный пир для дворянина теперь превратился в невзрачные и отвратительные кучи на грязном полу.

В мгновение ока она оказалась за столом, там, где он в последний раз видел ее ноги. «Иди сюда! Ложись на стол; мы воскресим их — мы дадим им новую жизнь! А теперь вставай!»

Лазарус дрожал под столом, глядя на ее длинные черные ногти на ногах.

«Вставай, господин Лазарь!»

[Конец главы 14]

Это литературное произведение было создано d исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~